

И.Л.Савранский

Уроки русского консерватизма и неоконсерватизм на современном Западе

От автора

Эта статья представляет собой попытку осмысления феномена неоконсерватизма на современном Западе. Поскольку некоторые современные теоретики неоконсерватизма стремятся включить крупных русских мыслителей и художников слова неконсервативного толка в ряды своих предшественников (с чем автор во многом согласен), на том основании, что приверженность к «устоям» сочетались у них (Ф.Достоевского, Л.Толстого, К.Леонтьева, В.Соловьева, К.Победоносцева, Н.Страхова) с динамичностью общественных реакций, постольку автор счел необходимым обратиться к анализу русской консервативной мысли. При этом, в частности, он руководствовался соображением, что в зарубежной научной литературе разработка этой тематики только начинается, а в советской едва ли скоро начнется. Между тем налицо, помимо всего прочего, острая потребность в расширении и систематизации ее фактографической базы (в том числе мемуарных и частных документов). Именно поэтому, анализируя воззрения русских консерваторов, автор опирается преимущественно на малоизвестные или никогда не публиковавшиеся материалы, в которых через призму лично-психологических отношений наглядно демонстрируются принципиальные идеологические позиции/

1

С некоторых пор поставщиком аналогий и острых проблем для социальной мысли на современном западе становится русский консерватизм. Европейские и американские неоконсерваторы все чаще обращаются к параллелям такого рода, примером чему могут служить как соответствующие пассажи в нашумевшей книге Р.Пайпса (1), так и размышления И. Гилмора и Н.О.Салливена (2). Очевидно, дело в том, что, несмотря на

-----

1. Pipes R. Russia under old regime. London, 1974

2. Gillmor J/ Inside right: A study of conservatism, 1977, 249 p.

разительное несходство социальных и политических условий современного Запада и России, какой она была сто лет назад, несомненная общность ситуации, в которой находим идеологов и русского и западного консерватизма, характеризуется непригодностью их старого идейного оружия перед фактом резких структурно-экономических сдвигов и ввиду утраты популярности во все более радикализирующемся общественном мнении. Именно это положение вещей подразумевал Достоевский, когда в январе 1876 года не без досады констатировал в записной тетради: «Банкротство консервативной партии. Бойцы были Катков и Леонтьев – устарели» (1), и в подготовленном в те же дни январском выпуске «Дневника писателя» по сути намечал стратегию соперничества с привлекательным для молодого поколения либеральным прогрессизмом за ценности позитивного общественного развития: «... Либералы наши, в место того, чтобы стать свободными, связали себя либерализмом, как веревками... считаю себя всех либеральнее, хотя бы потому одному, что совсем не желаю успокаиваться» (2).

Этот момент дивергенции в лагере русских консерваторов (Катков и Леонтьев как бы оттеснены в разряд «устаревших» бойцов) был одновременно моментом возникновения новой, сбивчивой еще «номенклатуры», на языке которой консерватора, вынужденного сдвигаться с позиций статус-кво, западные авторы именуют то «правым либералом» (Р.Пайпс), то «либеральным консерватором» (И.Гилмор), то «либертарием» (Ф.Майер). Как уже отмечалось, теоретики западного неоконсерватизма не без основания объявляют своими предшественниками видных представителей русской консервативной мысли. (Замечу в скобках, что упомянутые выше консерваторы дали сильнейший импульс развитию русской религиозно – философской мысли XX века, то есть «темам и сюжетам», которые в начале XX века разрабатывали С.Булгаков, Б.Бердяев, Л.Шестов, П.Флоренский, В.Розанов, С.Франк и др.).

Таки м образом, анализ попыток «расширения родословной», предпринимаемых западными неоконсерваторами, не может обойтись без тщательного, скрупулезного изучения различных течений, «фракций» и оттенков в послереформенном (второй половины XIX века) русском консерватизме, их платформ, идей, воззрений и т.д.

-----

1. Литературное наследство. М., 1971. Т.3. Неизданный Достоевский, с.404.
2. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. в 30 т., Л., 1981. Т.22, с.7.

Ведь несмотря на индустриальное отставание и государственно-политический традиционализм, Россия второй половины XIX века в области идеологической (равно как и в литературно-художественной) рождала такие мыслительные модели и сочетания общественных идей, которые выявляют свою актуальность лишь век спустя и притом в мировом масштабе. Социальное творчество, известным образом стесненное в практической области, переливалось в сферу духовых поисков и теоретических дискуссий, имевших отдаленную перспективу.

Не так уж давно, а именно – в 60-е годы «молодежной революции» и «контркультуры», когда пылко дебатировалась «пропасть между поколениями», американские социологи стали с живым вниманием перечитывать роман о русских шестидесятниках XIX века – «Отцы и дети» И.С.Тургенева. А «Бесы» не перестают упоминаться на страницах мировой прессы с тех пор, как политический терроризм, пронизательно изображенный Достоевским, превратился в глобальное явление.

Точно также вопросы, вставшие ныне перед расколотой и самопротиворечивой мыслью западного неоконсерватизма, были уже с достаточной отчетливостью очерчены на русской идейной почве. (Насколько переживалась и предчувствовалась сто лет назад русскими «охранителями» проблематика, занимающая нынешних неоконсерваторов, может свидетельствовать хотя бы следующее замечание Н.Страхова, известного русского философа и критика, близкого сотрудника Достоевского: «Что либерал, по сущности дела, должен быть в в большинстве случаев консерватором, а не прогрессистом и ни в коем случае не революционером, это едва ли многие знают и ясно понимают» (1).

Вспоминаются знаменитые строки Бориса Пастернака:

Однажды Гегель ненароком и,
очевидно, наугад
назвал историка пророком,
предсказывающим назад

Русские консерваторы предсказывали «вперед». Например, консерваторы России в последней трети XIX века, с отвращением отвергая «буржуа» и его уплощенную цивилизацию, вместе с тем отстаивали институт частной собственности и автономию

-----

1. См.: Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. М.,1964, т.1, с.293.

личности от радикалов, объявивших и то и другое достойным уничтожения атрибутами «буржуазного строя». Здесь, прежде всего, следует назвать Константина Леонтьева, который, может быть, более откровенно, чем другие писал о европейском «буржуа» как об «орудии разрушения» в трактате «Средний европеец как орудие разрушения». Но разве не об этом же пишет сегодня американский социолог Дэниэл Белл в своей на шумевшей книге «Постмодернистское искусство»? Подвергая критике западного «массового человека», представителя «среднего класса» и его «коммерциализированную», «бездуховную» «массовую псевдокультуру». Д.Белл дословно повторяет инвективы Константина Леонтьева, обращенные с «среднему европейцу», неожиданно отказываясь от присущего ему (исходя из других работ Белла) академического спокойствия и академической же основательности. В последней по времени работе «Новый класс* путаная концепция» (1979) Белл прямо указывает на русских консерваторов (и прежде всего – Леонтьева) как на своих предшественников в пане критики левого радикализма, бездуховности и безрелигиозности «массового общества», его нигилизма и цинизма, настаивает на возвращении западного общества к социальной трезвости, умеренности и пуританству – этих классических черт буржуа «героической эпохи». При этом он отмечает тот факт, что «в 1860-е и 1870-е годы русское консервативное движение привлекло к себе таких значительных писателей, как Данилевский, Катков, Леонтьев, Победоносцев и Достоевский, а на заре XX века одной из наиболее важных деклараций русской интеллектуальной жизни были «Вехи», призывавшие к восстановлению этой жизни на моральных и религиозных началах» (1).

Следует отметить, что идейная биография Д.Белла, главного редактора журнала «Public interest», вокруг которого собирается элита американского неоконсерватизма, типична для его сотоварищей – старых левых, которые по характеристике Дж.Диггинса, начали «как блудные сыновья от политики, потерявшие невинность за границей», и вернулись назад лучшими американцами, чем были раньше. Запоздалые еретики марксизма, эти и старые левые интеллектуалы, в конце своей предистории, отреклись от прежней веры и потому заново обрели свой разум» (2).

Диггинс, американский историк политической мысли, автор книг «Муссолини и фашизм», «Американские левые в двадцатом веке» и других – знает, что говорит.

-----

1. Д.Белл. Указ. Соч., стр.147-148.

2. Diggins J .P. Up from communism. N.Y. Harper A Row, 1975, p.46.

В последней своей книге Диггинс – с позиций классического либерализма – рассматривает эволюцию некоторых старых левых и бывших либералов, в их числе – Белла в направлении неоконсерватизма.

Что касается Белла, то здесь Диггинс несколько преувеличивает: Белл, как говорится, ни при какой погоде не был марксистом (в действительном значении этого слова), хотя, подобно некоторым другим буржуазным университетским профессорам, скажем, Д.Мойнихену или И.Подгорецу, какое-то время «заигрывал с ним. Была мода на марксизм, а Белл не любил отставать от моды...

Но кем действительно был Д.Белл, так это – умеренным либералом. Многие десятилетия он исповедовал «либеральную веру», однако ко второй половине 70-х годов XX века отрекся от нее сначала в книге «Культурные противоречия капитализма». А затем подтвердил свое отречение в работах «Модернизм и капитализм» и «Новый класс» (упомянутый выше). Что же послужило причиной отречения? Белл пришел к выводу: либерализм и его ценности – индивидуализм и прогрессизм – истинные виновники комплекса кризисов, охвативших американское общество в 60-х и первой половине 70-х годов – от экономического, энергетического и экологического до кризиса культуры, самым впечатляющим выражением которого, согласно Беллу, является молодежная контркультура с ее аморализмом, «вакханалией потребительства» и индивидуализма, «сексуальными революциями» и анархическим своеволием. Всю эту «разнузданность», считает Белл, вызвал к жизни либерализм и его идеологи (прои этом Белл винит и себя как одного из идеологов либерализма). Он полагает, что контркультура расчищает место для «марксистского коллективизма». Думаю, что почтенный профессор здесь ошибается: молодежное движение протеста, в том числе и молодежная контркультура вряд ли способны радикальным образом изменить структуру американского общества. Основной костяк контркультуры - молодые люди, выходцы из «среднего класса», вдохновляющиеся не столько ортодоксальным марксизмом, сколько эклектической смесью различных воззрений – от Герберта Маркузе и Эриха Фромма до Теодора Роззак и Нормана Брауна. Мне представляется, что эта бунтующая против традиционных – главным образом нравственно-культурных - установок истеблишмента молодежь уже, что называется, выдохлась, испытывает усталость и разочарование ввиду бесплодных попыток оказать какое-то воздействие на устойчивое западного, в частности, американского общества. Более того, нынешний западный «гомеостазис» не только не поколеблен, но спокойно абсорбирует внешние стороны и атрибуты контркультуры - от экстравагантных нарядов ее представителей до «расширения» сознания при помощи ЛСД, менее сильных наркотиков и гиперсекса. Вместе с тем, думается, контркультура, нынче закончившая, в сущности, свое существование и уже ставшая историей, имела

Некоторое позитивное значение – она заставила, к примеру, американское общество в той или иной степени «расстаться с наследием пуританской эпохи – системой разного рода запретов и предрассудков, ханжеством и лицемерием... Она заставила более свободно и раскованно отнестись и к требованиям человеческого духа, и к потребностям человеческого тела.

Но когда человек, подобно Беллу и его «сотоварищам» сильно напуган действительной либо мнимой (существующей только в его воображении), угрозой его благополучию, он прибегает к различным средствам чтобы устранить или хотя бы как-то отодвинуть как можно дальше от себя данную угрозу. Средства могут быть самые разные, и черпать их можно из разных источников, в том числе – из идейного комплекса русского консерватизма, проводя соответствующие параллели и аналогии, сопоставляя ситуации, сюжеты и коллизии столетней давности с нынешними, как это делают Д.Белл, И.Кристал и другие современные западные неоконсерваторы. Все это заставляет нас более пристально взглянуть на русский консерватизм, его особенности и функциональную роль.

2

В зависимости от того, какая из двух угроз «органическому обществу» - со стороны неограниченной индивидуальной свободы или со стороны социальной диктатуры – казалась страшнее, русские консерваторы размежевывались на праворадикальное и либерально-консервативное крыло. Перед сходным выбором стоят и в связи с ним самоопределяются многие неоконсерваторы на Западе, нередко апеллируя при этом к русскому идейно-историческому опыту.

Разные версии консервативных общественных идеалов, разные их оттенки – от этатизма до почвенничества и «христианского гуманизма» - могут быть проиллюстрированы спором между видными русскими мыслителями-публицистами, завязавшимся в один из самых напряженных моментов русской истории, когда Россия стояла на распутье: перед дорогим либерально-демократическим («буржуазного») развития либо ожесточенного конфликта между упорствующей монархической властью и революционным подпольем, конфликта, который, как мы знаем, разрешился в конце концов «торжеством» большевистской тоталитарной диктатуры, отцы-основатели которой были выпестованы этим подпольем.

Однако спор этот лишь отчасти, рядом отдельных вспышек, выходил на поверхность, становясь достоянием тогдашней общественности: в конце: 60-х, в особенности на

Рубеже 70-х – 80-х годов XIX в. Слишком силен был напор революционно-народнического и либерального лагерей, чтобы те, кто в том или ином плане примыкал к консервативному направлению, могли себе регулярно позволить роскошь гласной перебранки между собой.

В связи с этим, как уже говорилось выше, именно изучение мемуарных и частных материалов (чем автор статьи весьма тщательно занимался) открывает возможность более реально осветить всю глубину расхождений между представителями праворадикального и либерально-консервативного крыла. В таком контексте представляется справедливым замечание одного из мемуаристов, писавших о Достоевском следующее: «Как общественная личность, как личность политическая, он не может быть объяснен одними своими произведениями. Пусть явятся воспоминания, пусть явится переписка...» (1). Тот же подход уместен и по отношению к другим участникам скорее подспудного, чем явного «диспута», сыгравшего заметную роль в истории общественной мысли.

Итак, пусть поговорят сами участники его.

«Внешней» причиной подспудного диспута (но можно сказать и – полемики) в стане консерваторов российских было событие, оставившее примечательный след в развитии русской религиозной философии. Зимой и весной 1878 года, великим постом, на лекциях молодого философа Владимира Соловьева в Соляном городке присутствовали среди собравшихся здесь интеллектуалов Петербурга два человека, каждый из которых (негативно или позитивно – другой вопрос) был глубоко причастен к судьбе России. Один из них – член Государственного совета, воспитатель наследника престола Константин Петрович Победоносцев, том самый, с которым А.Блок в «Возмездии» сказал поэтически точно: «Победоносцев над Россией простер свиные крыла» и мертвящую сущность которого запечатлел не менее точно Илья Репин в картине «Заседание Государственного совета»; другой – прославленный писатель Федор Михайлович Достоевский, бывший каторжанин и бывший участник кружка русского утописта-социалиста Петрашевского, ставший одним из идеологов консерватизма и личным другом Победоносцева.

Следует отметить, что (как это не раз случалось, именно в переломные эпохи, в истории борьбы идей) отклики на соловьевские чтения и полемика вокруг них «выступали», так сказать, в «религиозной оболочке». Авторы-полемисты из стана русских консерваторов были людьми религиозными по преимуществу и спор вели между собой, пользуясь понятиями, выработанными в сфере русского православия и восходящими к византийской традиции. Это характерно и для эпистолярного наследия.

1. Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. М.,1964, т.2, с.423.

Но подоплекой этих споров была тогдашняя российская действительность и отношение к драматическим и нередко трагическим событиям, происходившим в ней. И хотя сами расхождения между русскими консерваторами носили внешне религиозный характер (говоря точнее, это были расхождения в плане трактовки некоторых догматов церкви, их, так сказать, проекции на конкретную реальность, что, в частности, нашло отражение в письмах участников с поров), не нужно заблуждаться относительно земной их сути. Но для этого требуется и знание характеров персонажей, т.е. участников диспутов, и круга тем и сюжетов, внутри которого билась их напряженная мысль, и, наконец, необходимы определенные навыки чтения этих документов. И еще одно замечание: русские консерваторы исповедовали философию «несовершенства мира и человека», несовершенства извечного и непреодолимого. Этот взгляд получил законченное выражение в формулы Достоевского, представляющей собой выдержку из его статьи «Анна Каренина»: «Во взгляде автора (Л.Н.Толстого – И.С.) на виновность людей ясно усматривается, что никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следовательно, от виновности и преступности... Ясно и понятно до до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого еще неизвестны, столь неведомы науке, столь не определены, столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже идей окончательных, а есть Тот, который говорит: «Мне отмщение и Аз воздам.» (1).

(Увы, эта формула Достоевского и сегодня так же остросовременна, как и сто лет назад. И сегодняшняя «реализация» кровавой коммунистической утопии в Восточной Европе вряд ли чему-нибудь научила или научит «прогрессивное человечество»). Однако вернемся к нашему рассказу.

Победоносцев и Достоевский, после совместного сотрудничества в «Гражданине» и частых вечерних бесед на животрепещущие темы, считали себя во многом единомышленниками. Но вот появился перед ними представитель нового, молодого поколения – не «нигилист», а проповедник «положительных начал» с неслышанным по тем временам словом о «разумном оправдании религиозных основ», - и отклик на это слово каждого выявил их подспудное духовное несовпадение в самом существенном: в том, что касается человека, свободы и – России.

1. Ф.М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с.321-322.

Победоносцев, автор многих богословских (он, помимо всего прочего, перевел на русский язык «Евангелие», а также «О подражании Христу» Фомы Кемпийского), организатор и автор знаменитого в свое время «Московского сборника», поначалу был «в состоянии эйфории» от благонамеренного юноши - Владимира Соловьева. В письме своей постоянной корреспондентке, дочери великого русского поэта Федора Тютчева, - Екатерине Тютчевой он делится впечатлениями от первых соловьевских «Чтений о Богочеловечестве»: «Здесь в Питере все теперь заняты лекциями молодого Соловьева о философии религии. Дело задуманное им – новость в России, приметная и много обещающая в будущем... То, что он говорит или читает, связно и толково, и досих пор ни разу не вырвалось у него ни одно из тех бестактных выражений, которые слышатся у нас всякий раз, когда бывает попытка секуляризировать в аудитории для публики священные предметы. Слушателей очень много, и число их возрастает – из всех классов общества... Конечно, многие понимают очень мало, иные понимают вполовину, но все-таки все стараются понять – и это много значит. Я высоко ценю это побуждение интереса к идеальным предметам и понятиям. Соловьев неоспоримо – молодой человек с талантом и знанием (1).

Однако давняя приятельница Победоносцева, умевшая читать «между строками» еще не осознанное им самим, в этом благодушном отзыве уловила – и в ответном послании высказала – сомнение в пригодности слишком независимого молодого человека (Владимира Соловьева) к исполнению идейно-охранительной службы. Кроме всего прочего, Екатерина Тютчева писала: «Жаль, что Соловьев начал с того, что обращает светскую публику... Года четыре тому назад он имел в Москве то же самое положение, которым пользуется теперь в Петербургских гостиных, и помнится мне, что отказалась от его знакомства ради его самого» (2).

В своем письме Е.Тютчева предвосхитила быстрое разочарование Победоносцева в «молодом человеке с талантом и знанием». Действительно, это разочарование наступило довольно скоро. В письме Екатерине Тютчевой от 2-5 апреля 1878 года Победоносцев отмечает: «Я слушал его в прошлую пятницу и вышел с неприятным впечатлением. Выступить в такую программу – большая претензия для молодого человека. Но в сему есть и мера. Есть сюжеты столь возвышенные, что неприятно, когда их касаются поверхностно... А сегодня он предпринимает говорить про Воскресение и Вознесение. Я очень рад, что он кончает, и желаю от души, чтобы он (т.е. Вл.Соловьев)

1. Архив Победоносцева К.П. Письмо Победоносцева к Е.Ф.Тютчевой от начала февраля 1878 г. ГБЛ ОР ф 230) Победоносцев М 4408/12.
2. Там же. Тютчева Е.Ф. к К.П.Победоносцеву от 24 февраля 1878 г. (материалы не публиковались).

обрел неудовлетворенность своими лекциями» (1). И спустя некоторое время Победоносцев дописывает: «5 апр... Лекции Соловьева кончились. Я не был на последней и очень доволен, что не был. Представьте, что этот молодой человек, говоря о Воскресении и будущем суде, публично опровергает учение о вечной казни грешников, и один раз назвал это учение «гнусным догматом»! Этому я не могу простить Соловьеву и не могу причислить его к серьезным и православным защитникам веры. Это опять тот же нигилизм личного самолюбия, личной гордыни, личной мысли, только в ином виде» (2).

Если мы вспомним, что соловьевские «Чтения о Богочеловечестве» (последняя лекция, о которой пишет Победоносцев) завершились одновременно с вынесением оправдательного приговора народоволке-террористке Вере Засулич, о котором с негодованием писал Победоносцев, настаивавший на ее казни в указанном письме к Е.Тютчевой (как известно, Засулич стреляла в генерала Трепова), то нам станет понятным недовольство Победоносцева последними лекциями и Соловьева, их тоном и содержанием, в особенности, опровержением «учения» о вечной казни грешников. В глазах Победоносцева Засулич и ее друзья – народовольцы и были именно тем и грешникам и, которые заслуживают казни и на этом, и на том свете... Глубоко религиозный лично, Победоносцев «проецировал» комплекс догматов православной церкви на российскую действительность, и в таком контексте его разочарование и недовольство молодым «религиозным ревизионистом» представляется вполне объяснимым. Дело довершило письмо Соловьева к Победоносцеву, в котором он просил последнего заступиться за группу народовольцев, приговоренных к смертной казни. С этого момента он «потерян» для Победоносцева. Победоносцев отныне числит его «по разряду нигилистов»...

Совершенно по-иному отнесся к лекциям Соловьева Достоевский. Теологически скандальное заявление Соловьева о «гнусном догмате» осудили и Победоносцев, и церковные круги (есть сведения, что осуждение проникло даже за стены Оптиной пустыни; как известно, знаменитый монастырь был местом паломничества и длительного проживания многих выдающихся деятелей русской культуры), но только не Достоевский, неоднократно утверждавший, что «ни одна наша святыня не побоится свободного исследования». В отличие от Победоносцева, Достоевский не только не остывал к лекциям Соловьева, но, не пропустив ни одной, внутренне перерабатывал их как стимул и материал для своей художественной и нравственной мысли. Примечательно, что антидогматическая дерзость лектора не шокировала религиозные чувства Достоевского,

1. Победоносцев К.П. Письмо от Е.Ф. Тютчевой от 2-3-5 апреля 1878 г. ГБЛ ОР ф 230 Победоносцев 4409 /13.

а, напротив, привлекла писателя своей этической подоплекой, побудив его вложить в уста старца Зосимы (одного из ведущих персонажей романа «Братья Карамазовы») истолкование «вечных мук», как неизбывных укоров совести, а не загробных телесных пыток.

Лекции лишь упрочили дружеские отношения между знаменитым писателем и молодым философом (их личное знакомство относится к 1873 году). Более того, как свидетельствуют современники, Владимир Соловьев был прототипом Алеши Карамазова, любимого героя Достоевского (в упомянутом романе) (Писателя и философа, помимо всего прочего, единила несокрушимая вера в идеалы христианского гуманизма и то почвенничество, которое, пожалуй, наиболее отчетливо выразилось в следующем пассаже из «Дневника писателя»: «... Настоящее социальное слово несет в себе никто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, - единение любви, **гарантированное** уже делом, живым примером, потребностью в деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...» (2).

Утопическое христианское сознание (и мирозерцание), духовно единившее писателя-мыслителя и философа, выступало в форме своеобразного **русского мессианизма**, подоснову которого, в частности, составляло «сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества не таково, каким должно быть... что оно должно быть изменено, преобразовано» (3). В этом и Владимир Соловьев и Федор Достоевский представляются мне прямыми наследниками ранних славянофилов. Вслед за ними Соловьев и Достоевский настаивают на «всечеловеческом призвании России». Миссию исправления «состояния человечества», согласно Соловьеву и Достоевскому должна взять на себя Россия. (Замечу в скобках, что, как это ни парадоксально, на первый взгляд, но, в сущности, носителями той же мессианской идеи спустя несколько десятилетий выступили Ленин и его соратники-большевики, утверждавшие, что «центр мирового революционного процесса переместился в Россию» и что «революционных марксистских идей исходит ныне из России». Так, определенным образом

1. См., например, в воспоминаниях Стоюниной М.Н. об А.Г.Достоевской. в кн.: Ф.М.Достоевский. Статьи и материалы. Ред. Долинина А.С. Л.,1924.т.2,с.579
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за январь 1877 года. –Полн.собр.соч.СПб,1983, т.12,с.26
3. Соловьев В.С. Письма: в №-х томах. М.,1908-1911.т.3, с.88.89.
4. Достоевский Ф.М. Указ. Соч., т.12, с.6.

препарированная, старая русская православно-мессианская идея предстала в оболочке «революционного пролетарского мессианизма»).

В 1877 году, в преддверии и начале русско - турецкой войны, проникнувшись, очевидно, одним ощущением скорого исторического поворота, сначала Достоевский в январской статье «Дневника писателя», а затем Соловьев в речи на апрельском заседании Общества любителей русской словесности (1), предложили публике такой взгляд на «тысячелетнее» течение истории, согласно которому именно теперь по прошествии веков, пробил час России как обновительницы мира. Католицизм и атеистический материал, по мнению Достоевского и Соловьева, оказали Западу плохую услугу и привели к «глубокой болезни его духа. Иными словами, западная цивилизация завершила свой круг и нуждается в оздоровлении «извне». Миссию врачавателя ее и всего страждущего человечества должна взять на себя Россия, вставшая во главе славянского мира, не поддавшегося «дьявольским искушениям». Россия должна дать «средоточие и целостность разрозненному и омертвелому человечеству через соединение его с божественным началом» (2).

В этой всемирной, так сказать, посреднической задаче и заключается (по мысли того и другого) «национальная идея русская». В самом выдвижении этой идеи наличествует преемственная связь с ранними славянофилами, о чем уже говорилось выше, но также и с неославянофилом - консерватором) в прошлом, подобно Достоевскому, активным участником кружка Петрашевского (Н.Я.Данилевским, с его книгой «Россия и Европа» Спб. 1871), в которой автор, за полстолетие до О.Шпенглера (см. «Закат Европы») разработал концепцию 10 культурно-исторических типов, существующих в человеческой истории. В этой пионерской культурологической работе Данилевский писал о десяти непроницаемых друг для друга, замкнутых в себе «культурных организмах», каждому из которых отмерен определенный жизненный срок, - примерно тысячелетие, после чего данный культурный организм умирает. Так умерли древние восточные культуры. Теперь на очереди – западная культура. Что касается русской культуры, то она еще совсем молодая, в сущности, находится лишь в начале своего развития, и ей суждена великая будущность.

Принимая в целом эту культурологическую модель Данилевского, беря ее «на вооружение», Достоевский и Соловьев вносят в нее некоторые нюансы: Достоевский, мысля «геополитически», говорит о «Трех идеях», то есть о трех сменяющих друг друга мирах _ католическом, протестантском и православном (России), Соловьев же,

1. Соловьев В.С. Письма в 10-томах.М.,1911-1911.т.1. с.227-239.

2. Соловьев В.С. Там же, с.284.

пользуясь религиозно-метафизическими понятиями, пишет о «трех силах» - двух противоположностях, подлежащих примирительному синтезу с помощью третьего начала: бесчеловечный Восток, абсолютизирующий Бога за счет человека, и безбожный, инструментально-прагматический Запад, абсолютизирующий человека за счет Бога, - взаимно восполняют свою «половинную правду» при посредничестве славяно-русского национального типа, для которого характерна «всемирная отзывчивость» (Достоевский) и всемирная же восприимчивость к высшей истине, готовность послужить вселенскому делу...

Эти рассуждения Соловьева, в которых явственно слышна братская «участливость» к чужому и философская уверенность, что мировая историческая жизнь народов в итоге оправдана, найдут свое дальнейшее, блистательное развитие в пушкинской речи Достоевского, произнесенной им три года спустя. Эта речь приведет к открытому расколу в стане русских консерваторов, расколу, уже существовавшему в нем неявно...

Это размежевание в стане консерваторов представляется мне закономерным и вполне объяснимым: несмотря на внешние дружеские отношения между идеологами праворадикального (Победоносцевым и Константином Леонтьевым) и либерально-консервативными мыслителями (Достоевским, Соловьевым и их соратниками, например, А.Киреевым и И.Аксаковым), последние не могли, подобно Победоносцеву, искать незыблемой опоры в прошлом, подобно «русскому Ницше» (В.Розанов) – Леонтьеву, заниматься эстетическим созерцанием игры «переходных форм» обреченного мира. «Всею кожей» чувствуя трагизм истории, представители либерально-консервативного крыла, прежде всего, - Достоевский и Соловьев, судорожно перебирали вехи всемирно-исторической жизни в поисках роковой ошибки на путях мировой и – главным образом – российской истории...

Но, с другой стороны, И Константин Леонтьев, как бы предвосхищая дальнейшие, более серьезные расхождения, долженствующие возникнуть в стане русских консерваторов, с известной долей горечи отмечал: «... Во всех государствах и у всех наций нашего времени все однородные охранительные силы находятся в постоянной между собой борьбе... Согласны между собой только одни социалисты и те, которые им потворствуют» (1).

На московских литературных торжествах 1880 года, посвященных Пушкину, Достоевский выступил с речью, в которой доминировали две идеи: идея служения, адресованная как личности, так и нации, и идея жертвенности, нравственного

1. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? М.,1881, с.3-4.

подвижничества и стоицизма, идея всеобщего примирения во имя блага России. Писатель призвал на исконно российской почве нравственного подвижничества осуществлять то, что нельзя, по его мнению, достигнуть политическими размежеваниями и партийными пристрастиями. Но призыв Достоевского, за исключением некоторой молодежной части «аудитории», не вызвал энтузиазма у *слушателей*. Примиряющий, так сказать, компромиссный дух его речи шел в разрез с межпартийными страстями и пристрастиями (даже в «собственном» лагере консерваторов). Что касается революционеров-народовольцев и сочувствующих им, то в этом кругу проповедь всечеловеческого примирения была окрашена «всезаячьей» (Г.Успенский). Помимо всего прочего, цель выдвинутая Достоевским, - братское состояние людей и «мировая гармония» расходились с представлениями правых радикалов. Таким образом, речь Достоевского неожиданно оказалась источником для догматического прения в рядах российских консерваторов, которое тянулась и после смерти Достоевского. Оно, это прение, обнаружило, что его участники - Достоевский и Победоносцев, Леонтьев и Соловьев - не только не солидарны в том, что должно, казалось бы, составлять их единство перед лицом противоположного (враждебного) лагеря, а, напротив, расходятся в самих основах своего «христианского мирозерцания» - в религиозных представлениях о смысле общественной жизни, о судьбах мира, и России.

Как пишет в упомянутом уже «новом классе» один из крупнейших западных неоконсерваторов Д.Белл (о мировоззренческой эволюции которого мы говорили выше), «... споры в среде русских консерваторов также поучительны для нас, современных консерваторов» (там же, с.68). Здесь возникает вопрос: чем? Что в них поучительного для нынешних неоконсерваторов? Ответ в какой-то степени содержится в парадоксальном утверждении германского социолога Карла Мангейма : «Консерваторы – не мастера создавать новые идеи, но мастера эклектически соединять старые» (1). В этом есть доля истины. В этом есть доля истины. И немалая.

3

Перед исследователем неоконсерватизма не может не встать вопрос: почему новое поколение консерваторов пытается сохранить то, против чего боролись их предшественники, консерваторы «старого закала», - неограниченную рыночную экономику и примат свободы личности перед идеей монолитного социума? Ответ на этот вопрос требует более углубленного подхода к специфике неоконсерватизма.

1.К.Мангейм. Идеология и утопия. Тт.1-2. М., 1978, т.2, с.202.

Но поскольку неоконсерватизм как идеологический феномен все еще находится в становлении (в то время как политически неоконсерватизм укрепился едва ли не в большинстве стран Запада, придя на смену либеральным и левым силам), постольку, как мне представляется, можно сегодня говорить лишь о самых общих его чертах, не углубляясь в детали, но анализируя только ту наличную данность, которую он предлагает. Таким образом, исследуемый предмет заставляет быть предельно кратким.

Уже самый термин «неоконсерватизм» как бы содержит в себе намек на известную противоречивость и, если хотите, амбивалентность анализируемого явления. С одной стороны, «нео» означает обновление старого, видоизменение постоянного. Иными словами, при употреблении названного термина мы, казалось бы, не должны исходить только из привычного представления о консервативной позиции как простом упоре на прошлом, как сохранении статус-кво, то есть увековечении наличного положения вещей, но из концептуальной трактовки этого явления. С другой стороны, как во многом верно подметил К.Мангейм, консерваторы действительно « не мастера создавать новые идеи» и, более того, вообще с известной небрежностью и некоторым легкомыслием относятся к систематическому мышлению и теоретическому оформлению своих (оригинальных) идей) Мангейм, надо сказать, им ел в виду западных консерваторов; русских он не знал. Последние в этом плане несколько отличались от западных . Консерваторы «старого закала» (традиционалисты, тяготевшие к «феодальному социализму» и критиковавшие с точки зрения традиционно-иерархической организации общества бурную экспансию капиталистических отношений) даже бравировали этой своей небрежностью, настаивая на том, что консерватизм – это-де определенный склад мышления и поведения, не нуждающийся в творческом анализе.

Однако новым консерваторам пришлось более серьезно отнестись к себе и заняться, так сказать, самосознанием и самоопределением. Впрочем, в лагере нынешних неоконсерваторов время от времени можно услышать заявления того плана, что, мол, «нельзя знать, что такое консерватизм да и зачем, а нужно следовать совету Бисмарка – политика и полагаться на опыт и ничего кроме опыта» (Голо Манн).

Однако политическая практика неоконсерваторов толкает их к теоретическому осмыслению своих позиций. Уже в конце 1975 года начался резкий поворот к консерватизму в ряде стран Запада. Социалисты теряли власть и влияние в таких странах, как Швеция (правительство социал-демократов пало в 1976 году), в 1979 году расстались с властью лейбористы. В этом же году рухнула правительственная коалиция, возглавляемая лидером западногерманских социал-демократов Гельмутом Шмидтом и т.д. В Европе и Америке наступило время неоконсерватизма, помимо всего прочего, потому что вера в благотворное вмешательство государства в экономику и в функцио-

нирование социальных институтов, которую исповедовали и социалисты и либералы, если и не была утрачена, то во всяком случае была основательно подорвана. Здесь нет места для анализа первопричины разочарования избирателей в своих прежних кумирах – левых и либералах. Эта тема требует специального исследования. И не же представляется необходимым подчеркнуть, что приход к власти неоконсерваторов «заставил» их более внимательно взглянуть на содержание их теоретико-идеологического «багажа», унаследованного в значительной мере от «старого» консерватизма, и попытаться, насколько это возможно, пополнить его новыми идеями. Надо сразу сказать: пока это сделать не удалось.

Ведь нельзя же в самом деле в условиях **новой** реальности ограничиться эклектическим выбором идеологических сюжетов и коллизий, «одолженных» то у немецких консервативного романтизма XIX в. (Новалис), то у французских идеологов реставрации (Жозеф де Местр и др.), то у русских неославянофилов (Леонтьев, Победоносцев, Соловьев) консервативного толка! Между тем теоретики неоконсерватизма даже отказываются (или же не в состоянии) дать внятное определение самого этого понятия. Уклоняется от этого и Д.Белл – едва ли не самая крупная теоретическая сила в лагере западных неоконсерваторов.

Нынешние новые консерваторы, в сущности, поменялись местами с либералами. Что это значит? А вот что: если либералы классического типа (ратовали за уже упомянутую неограниченную рыночную экономику, то современные либералы, так сказать, «уклоняются в социализм» (некоторые из них - и в социализм «марксистского типа»), отдают предпочтение «государственному регулированию» и т.д. Между тем неоконсерваторы (в отличие от своих предшественников аристократически-феодального плана, неприязненно относившихся к капиталистическому развитию, свободному рынку, свободе личности и т.п.) – по крайней мере значительная их часть – апологеты свободного рынка, безудержной конкуренции, частной инициативы (Дж.Гилдер и др.), динамизма, техницизма, денационализации предприятий и т.п. С другой стороны, часть неоконсерваторов, главным образом тех, которые испытали сильное влияние русского консерватизма, (Д.Белл, И.Кристал и др.) заняты поисками в сфере религии, ратуют за религиозное обновление современного западного общества, будто бы погрязшего в стяжательстве, безверии, разврате и т.д. В силу этого в их ценностной ориентации акцент переносится на «позитивные» идеи «социального предела», «самоограничения», «умеренности», «сдержанности». В области культуры они настаивают на соблюдении установившихся социокультурных традиций (при этом для «подкрепления» своих позиций обильно

цитируют русских консерваторов – от Победоносцева и Леонтьева до Страхова и Достоевского), стереотипов, культурно-этических норм , резко порицая и отвергая гедонизм, сибаритство, своеволие «Я» и тому подобные «разрушительные интенции». По историософской логике Д.Белла и близких к нему идеологов неоконсерватизма истоки «порчи» западного духа и нравов следует искать в том «люциферическом» направлении, которое приняла Новая история, когда гордая человеческая «самость» противопоставила себя всему естественному миропорядку, и пожинаемые ныне духовные плоды надо понимать тем самым как выросшие из этой же эгоцентрической заносчивости, в сердцевине которой – эгоистическая корысть. Подобные соображения также сближают западных неоконсерваторов с религиозным течением в русской критике «новоевропейского духа» - от Владимира Соловьева и до Николая Бердяева.

Таким образом, нынешнего состояния неоконсерватизма характерна пестрота мнений, оценок, реакций, что, кроме всего прочего, свидетельствует о том, что неоконсерватизм, несмотря на свою разностороннюю идейную активность и антиреволюционный публицистический напор, в данный момент еще не развился в монолитную идеологию с четкой глобальной направленностью. Какова его дальнейшая судьба, - покажет время.

И.Савранский

1982г.

